

МУРЗАЕВ Рашид Абсалитдинович –

соискатель Регионального центра этнополитических исследований Дагестанского научного центра РАН.
367025, Россия, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, д. 45
tolerans@list.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ В ИСЛАМСКОМ ПОЛЕ ДАГЕСТАНА

SOCIAL PROTEST IN THE ISLAMIC SPHERE OF DAGESTAN

Статья посвящена проблеме трансформации различных социальных протестов в форму религиозных возмущений в современном Дагестане. Автор обосновывает тезис о преобладании внутренних факторов радикализации исламской молодежи на Северном Кавказе.

Ключевые слова: социальный протест, ислам, политика, Дагестан

The article is devoted to a problem of transformation of various social protests in a form of religious indignations in modern Dagestan. The thesis about prevalence of internal factors of radicalization of Islamic youth in the North Caucasus is substantiated.

Keywords: social protest, Islam, policy, Dagestan

Более двух десятилетий федеральная и республиканская власть не могут ни приостановить, ни эффективно противодействовать дальнейшей радикализации общественных настроений, усилению позиций экстремистских течений в Дагестане. Более того, они со временем облеклись в форму террористических акций и преступлений. Сложившаяся ситуация и развивающаяся тенденция в области религиозно-политического экстремизма позволяют сделать вывод об ошибочности и неправомерности выводов и рекомендаций ученых и практиков по борьбе с религиозным экстремизмом. В результате новые вызовы и угрозы стабильности и безопасности общества не получают адекватного ответа.

Теорию и практику экстремизма в Дагестане в основном исследовали ученые, находящиеся на государственной службе. И, как и следовало ожидать, будучи ангажированными официальной властью, они долгое время обосновывали тезис о первичности внешних причин радикального воздействия на религиозно-политическую ситуацию в республике. Тем самым их усилия были, в первую очередь, направлены на подведение теоретической платформы под обоснование преимущественно

силовых методов борьбы с ранее неизвестными течениями в исламском поле республики. Путем таких псевдонаучных измышлений с власти снималась ответственность за промахи и упущения во внутригосударственной политике.

По нашему мнению, представляется важным говорить о первичности внутренних причин, которые обусловлены протестными настроениями в обществе вследствие клановости, коррупции, имущественной поляризации, отсутствия социальных лифтов для молодежи. Эти протестные настроения вызваны факторами различного содержания, но многие из них плавно перетекают в исламское поле. Поскольку ислам является регулятором общественных отношений, социальный протест принимает форму религиозной идеологии, сопряженной с идеями социальной справедливости.

Однако в соответствии с желанием республиканской политической элиты приукрасить региональную действительность в глазах федерального центра данная позиция не стала основанием для принятия практических мер. Весь негатив в социально-политической жизни дагестанского общества списывается на новообъявленных врагов в лице ваххабитов. Отвергается тот очевидный факт,

что радикализм вызревает на протестных настроениях.

Очевидно, что сложившееся положение вещей власть вполне устраивает. Более того, в условиях еще не вполне сформировавшегося гражданского общества, способного влиять на политическую ситуацию, повышение политического сознания населения для власти крайне нежелательно. Именно исходя из этой позиции, органы власти почти всех уровней саботируют введение принципов местного самоуправления в местных сообществах, т.к. они способствуют пробуждению социальной активности населения. Этим во многом объясняется провал муниципальной реформы, особенно в республиках Северного Кавказа, где вместо реального самоуправления утвердилось формальное самоуправление. Навязываемые и внушаемые установки о невозможности для населения влиять на политическую ситуацию в республике, подкрепляемые активным противодействием власти созданию легитимной широкой оппозиции, способной выражать протестные настроения общества, создают своего рода антураж спокойствия, стабильности, аполитичности населения. Но ситуация кардинально изменилась с всплеском религиозно-политической активности, базирующейся на салафитской идеологии.

На встрече с постоянными членами Совета безопасности РФ в Махачкале 09.06.2009 г. экс-президент Д.А. Медведев впервые официально признал, что социально-политическая турбулентность на российском Кавказе не была результатом иностранного вмешательства, а вызвана такими внутренними причинами, как коррупция, безработица и бедность¹. Однако за признанием внутренней природы проблемы терроризма и экстремизма не последовали комплексные и системные меры по их предотвращению. И сегодня, к концу первого года пребывания у власти, глава Республики Дагестан Р.Г. Абдулатипов при нарастании радикализации в обществе решил переместить фокус с внутрен-

них угроз на внешние. Так, 19 декабря 2013 г. в ходе пресс-конференции глав субъектов СКФО в Москве он заявил: «Много людей, которые изображают из себя защитников ислама. Эти люди в том числе получают финансирование из разного рода разведцентров, которые действуют против России»². В отличие от него, начальник Главного управления МВД России по Северо-Кавказскому федеральному округу Сергей Ченчик считает, что северокавказское подполье в основном существует за счет рэкета, отъема денег у местных бизнесменов. В последние годы бандформирования практически не получают финансовую подпитку из-за границы. «Основной способ добычи средств террористами — угрозы, отъем денежных средств у людей, которые идеологически их не поддерживают, но боятся. Второй способ получения денежных средств вполне легальный. Это трудоустройство родственников боевиков на какие-либо должности в госорганах или коммерческих структурах. Такая тактика позволяет бандитам не только получать средства, но и активно участвовать в политическом процессе. Например, родственная база дагестанских бандитов, которые сейчас находятся в лесу, — это десятки, если не сотни госслужащих и представителей бизнеса. Их назначают на должности, им платится зарплата — как правило, очень неплохая. Это такая форма взятки бандформированиям от местных властей или бизнеса, чтобы их не трогали»³.

Мы считаем обоснованной методу определения численности бандподполья Дагестана, использованную М.Д. Розиным и С.Я. Сушим, которая жестко детерминирована социально-политической протестностью населения⁴.

Механизм кадрового пополнения республиканского бандподполья доста-

² Абдулатипов: бандподполье на Кавказе финансируется из зарубежных разведцентров. Доступ: http://www.gazeta.ru/politics/news/2013/12/18/n_5826421.shtml

³ Брежницкая Е. Кто и как финансирует бандподполье на Северном Кавказе. Доступ: <http://www.rg.ru/2013/12/16/reg-skfo/chenchik.html>

⁴ Розин М.Д., Суший С.Я. Бандподполье Дагестана — моделирование динамики во втором десятилетии. Доступ: <http://ivdon.ru/magazine/archive/n3y2011/562>

¹ Военная разведка США о Северном Кавказе. Доступ: <http://kavpolit.com/severnyj-kavkaz-v-rossii-i-rossiya-na-severnom-kavkaze-gosudarstvennye-podxody-i-politicheskaya-dinamika-v-bespokoynom-regione/?print>

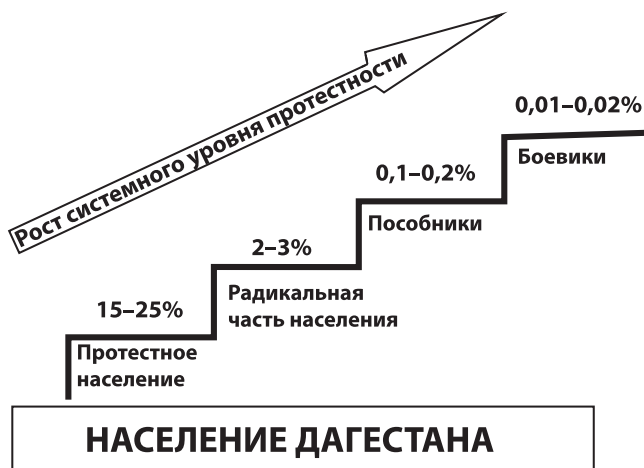

Рисунок 1. Группы протестности населения Дагестана

точно прост и хорошо отлажен. Его можно условно определить как «эскалатор насилия». Часть населения под воздействием самых разных конфликтных факторов проходит ряд стадий «радикализации», становясь во все более жесткую оппозицию официальной власти и республиканской социальной действительности в целом. На каждую следующую ступень возрастающей протестности (от пассивного неприятия к активному пособничеству, а затем и активному участию в террористических акциях) переходит все меньшее число людей. На вершине этого «эскалатора» (боевое ядро) находятся уже сотые доли процента общей численности республиканского населения (см. рис. 1). Но и этого пополнения достаточно, чтобы устойчиво восстанавливать потери, понесенные НВФ.

Как представляется, размеры вербовки зависят от трех основных факторов/параметров республиканского социума: 1) общей численности молодежи опасного возраста; 2) уровня ее социальной протестности; 3) уровня ее энергетики/пассионарности (т.е. способности переходить от пассивного неприятия окружающей социальной действительности к вооруженной борьбе против нее).

Последнее качество (пассионарность) — важная особенность современной кавказской молодежи. Уровень потенциальной социальной протестности молодых людей в некоторых других регионах

РФ, как свидетельствуют многочисленные социальные опросы, также весьма высок. Однако за пределами Северного Кавказа терроризм нигде в России не получил такого значительного распространения¹. Таким образом, происходит многоуровневое многоплановое наслоение социального протеста населения и религиозного экстремизма.

Политический ислам — интегрирующее движение, целью которого является объединение на теологической основе всех протестных сил, в т.ч. за пределами мусульманского конфессионального поля [Джемаль 2004]. В Дагестане, в отличие от Чечни (и даже от Ингушетии, где есть два четко выраженных, хотя и не связанных друг с другом протестных потока — исламисты и правозащитники), гораздо сложнее измерить протестное поле. Протест в Дагестане не одномерен. Он может реализовываться и в этнической, и в религиозной сфере, а также в бизнесе и во власти (хотя бюрократический протест не является публичным). Таким образом, в Дагестане требуется гораздо более диверсифицированная политика. Взрывов и актов насилия много, но за каждым из них — своя конкретная биография, причины и мотивы. В одном случае это может быть процесс «приватизации» власти и собственности «чужаками» (как по этническому принципу, так и по принадлежно-

¹ Там же.

сти к республике), в другом – действия исламских радикалов. В свою очередь, эти радикалы далеко не так едины, как изображают пропагандисты. Среди них есть и действительно религиозно мотивированные персонажи (в Дагестане в силу мощных богословских традиций таковых больше), но есть и просто пострадавшие от произвола властей и силовиков.

Существование столь разнообразных по происхождению протестных полей возможно только в условиях, когда социальные отношения базируются не на институтах, а на неформальных принципах, личных отношениях. Отсутствие публичных процедур и институциональных норм приводит к тому, что в республике, перегруженной разноплановыми, но во многом объективными противоречиями, спорные вопросы решаются посредством насилия. В этом смысле мотивация и легитимация такого насилия – второстепенный вопрос.

Процесс дальнейшего укоренения и стремительного «возврата» горцев к исламу, по мнению исламоведа-кавказоведа Р.В. Курбанова, происходит преимущественно по трем основным траекториям. Он предлагает условно выделить традиционную, протестно-кризисную и идейную исламизацию. Традиционная исламизация имеет место в основном в горных сельских районах, население которых на протяжении всей внутрироссийской истории региона отличалось приверженностью исламу. Здесь исламизация принимает форму продолжения вековой традиции предков.

Протестно-кризисная исламизация выявила себя в период социально-экономического и духовно-культурного кризиса, когда обнищавшие слои горского населения, как сельского и высоко-

когорного, так и городского и равнинного, обратились к исламской духовности в надежде обрести духовную опору и ответы на свои экзистенциальные вопросы.

Идейная исламизация, все более набирающая обороты в последние годы, охватывает в основном городскую и сельскую молодежь, получающую или получившую высшее и послевузовское образование. Этот круг «обновленных» мусульман может в будущем сформировать костяк исламской интеллигенции Кавказа¹. Примечательно, что «идейная» исламская молодежь северокавказских республик, будучи твердо приверженной нормам шариата, намного динамичнее и энергичнее внедряется в различные сферы общественной жизни, обладает мощнейшим мобилизационным потенциалом и четко осознает свои цели, в отличие от своих неисламизированных сверстников.

Напряженность и конфликты возникают там, где неблагоприятная социально-экономическая обстановка соединяется с плохим политическим управлением, и когда политики и безответственные общественные активисты используют этнические и религиозные факторы для достижения власти и собственного благополучия. Следовательно, совершенствование деятельности органов государства и институтов гражданского общества является важным направлением формирования этноконфессиональной толерантности как фактора обеспечения мира и стабильности в Дагестане.

¹ Курбанов Р.В. Мусульмане Северного Кавказа в поисках утраченной идентичности: между джихадизмом и умеренностью. Доступ: <http://libbabr.com/?book=6134>

Литература

Джемаль Г. 2004. *Освобождение ислама*. – М.: Изд-во «Умма», 415 с.